

— И после этого случая вы вернулись в Ригу!

— Нет, не сразу.

— Не помните, что вы знали тогда о современной музыке, что любили!

— Это была только американская музыка. Соул-пение. Моя любимая певица была Джанет Джоплин.

— Где вы брали записи! Приходили в магазин и слушали, что вам нравится!

— Барабанщик, с которым я работала, приносил.

— ...И вот вы вернулись.

— Да, мне ездить надоело.

— И вас пригласили петь в ночном ресторане, о котором слухи шли по всей стране...

— Обычно говорили, что в Риге надо пойти в Домский собор и «Юрас парле».

— ... Там была богема, сигареты, алкогольные напитки...

— Я никогда не пила, не курила...

— Сказала Лайма, держа в руке сигарету.

— Я начала совсем недавно.

Знаю, что это плохо. Весь мир против. И я думаю, что скоро брошу, потому что я должна это сделать. Я никогда не снимаюсь с сигаретой

— боюсь, что хоть один человек повторит мою ошибку.

— Однако вернемся в «Юрас парле»: люди с деньгами, буржуазная обстановка, наверняка свободная легкая атмосфера...

— Это никак на меня не повлияло. Я к тому времени настолько стала любить свою профессию, настолько стала фанаткой — ничего не было мне интересно: ни эти богатые люди, ни эти красивые одежды. Ничего.

Могла петь всю ночь, а с утра — репетировать.

— Вам хотелось завоевать мир!

— Это все не про меня. Для меня сцена стала чем-то божественным — самым важным в жизни. В клубе я никогда не думала, что пою для каких-то там гостей, я никогда никого не видела и не замечала, на сцене я была в своем мире, а ресторанный публика скорее мешала приходить мне в такое состояние.

— Сейчас это изменилось! Вчера вы пели в элитарном клубе «Монолит» — вы испытывали такое же состояние, как когда-то!

— Сейчас немножко иначе. Все изменило появление балета. Раньше был контроль только над собой, сейчас я контролирую еще и окружающее: звук, свет, балет, сцену. Это мне мешает достичь такого состояния, как когда-то.

— У вас нет режиссера.

— Я мечтаю, чтобы у меня был режиссер, которому я могла бы довериться. Пока нет такого человека. Есть Пеленягс, есть балетмейстер.

Я мечтаю о сценаристе, о художнике по костюмам. Я не хочу этим сама заниматься. Я считаю, что каждый должен заниматься своим делом. Но я не доверяю. Потому что я знаю, чего я хочу. Меня нельзя сформировать заново, меня нельзя ... как это будет по-русски... повести за собой! Повлиять на меня — пожалуй, так точнее... Только, ради Бога, не пишите, что я иногда не могу вспомнить русских слов.

— Почему! В этом нет ничего такого.

— Я ведь до девятнадцати лет не знала русского языка. Для меня легок простой, разговорный язык, а когда нужно выразить сложную мысль, иногда не могу подобрать нужные слова. Из-за этого иногда кажешься глупей, чем ты есть. Я это поняла как-то в Америке. Давала интервью на английском, а после передачи мы стали просто болтать с журналистами, и одна из них сказала мне: «Лайма, я вам больше никогда не советую давать интервью без переводчика, потому что вы намного интереснее».

— А думаете вы на латышском!

— По-латышски. А иногда кажется, по-русски.

— Рига. Москва. Несколько лет назад вы обрели еще одно место на земле, где бываете с удовольствием!

— Да, это Нью-Йорк, Лос-Анджелес... Америка повлияла на меня очень сильно. На мое восприятие жизни. Произошла переоценка ценностей.

Там я повзрослела. Там у меня были самые сильные за всю жизнь стрессы.

— С чем они были связаны!

— И с людьми, и с профессией. Да даже с тем, как я воспринимала Америку до приезда и после. Мне всегда казалось, что это кусочек рая, что это место, где я спасусь, если мне будет совсем плохо. И там я поняла вдруг — такое жуткое ощущение, что даже не могу передать,

— что такого места нет на земле. Все твоё спасение в тебе. Там я поняла, какие мы, люди, в сущности, муравьи. Такие пылинки — от нас ничего не зависит.

— Странно слышать такое от вас.

— Да, это совсем другие ощущения... Латвия — воспоминания о чем-то теплом, прекрасном, веселом, светлом. Россия — это аплодисменты, это когда носят на руках. Америка — настоящая жизнь, понимание жизни.

— Она была так, что вы выскочили из гостиницы!

— Лайма, я долго напрашивалась к вам в гости в Ригу, мне казалось, что именно там легче будет понять вас. Вы не захотели. Последним аргументом было то, что ваша собака всех кусает. Потом я узнал, что многим так говорите. Создается впечатление, что вы специально держите злую собаку, чтобы дальше определенной границы, которую вы очертили, никого не пускать.

— Это неправильно. У меня очень развито чувство: я в ответе за тех, кого приручила. Когда моя собака укусила маму (очень сильно), я плакала, просила прощения, пото-

хотно. Как-то я была в Америке в зоопарке. Меня провели в помещение, где были маленькие козочки — мы должны были там делать съемку. Так меня нарядили в халат, шапочку, тапочки, как в хирургическом зале. А когда мы проходили мимо обезьяны, сопровождающий нас слугитель предупредил: «Лайма, когда вы подойдете к стеклу, обезьяны начнут пугать вас. Сделайте вид, что вы испугались — иначе вы их травмируете, у них будет стресс». Вот такое должно быть отношение к животным. И тогда дети вырастут совсем другими.

«Может, я завтра счастлива буду, что знакома с Машей Распутиной»

— Лайма, я понимаю, что вы никогда ни о ком плохо — кроме как о мучителях животных — не отзоветесь. И все же. Вы ведь смотрите иногда телевизор, в нем показывают часто ваших коллег. Кто должен появиться на экране, чтобы вы включили этот ящик!

— Я выключаю его почти всегда.

— А успехам других людей вы радуетесь! Честно.

— Есть люди, которые мне близки, с которыми я дружу, мне интересно,

своих личных ощущениях? Это может быть совершенно несправедливо: в одном месте ты такая, в другом — другая. Может, Маша Распутина завтра совершит такой поступок, из-за которого я буду счастлива, что знакома с ней. Я же не знаю, какими могут быть эти люди в каких-то экстремальных ситуациях. Может, потрясающе! Я тогда себе не прощу, поэтому всегда опасаясь раздавать оценки направо и налево. Отношение к какой-то конкретной песне, какому-то конкретному поступку — да, но говорить вообще я не решаюсь... Пугачева и Ротару — они будут в нашей истории, нравится это кому-то или нет. Как Эдита Пьеха, например, как бы к ней сегодня ни относились.

Да, чем еще не

нравится мне моя профессия: как они тебя поднимают, так и опустить могут.

— Они — это зрители!

— Зрители, поклонники, журналисты... Больше всего сочувствую тем людям, которые вдруг поверили, что вот, да, я — звезда. Несчастье, если ты не осознаешь, что это просто твоя профессия, миг какой-то...

— Кто лучше, кто хуже, история, может, и рассудит. Но когда это будет. Мы же вольно или невольно все равно строим ранжиры сегодня! Это можно сделать! Как! По узнаваемости на улицах! По вниманию прессы! По гонорарам!

— Ничего нет важнее для меня, чем мои собственные оценки. Потому что я не стану себя баловать. Видеть себя со стороны — это чувство во мне хорошо развито. Не думаю, что придет момент, когда я буду собой довольна — у хорошего нет предела. Если даже какой-нибудь номер или песня будут удачными, это никак не сможет заставить меня подумывать, что это Я создала, что какая, мол, Я... Вообще мы в этой жизни ничего не создаем без помощи извне. Убеждена. Какой-то талант нам дается, и самый большой грех — это уже Библия, а не я — упускать его. В благодарность нужно отдать все свои силы, чтобы культивировать свой талант. Вот в этом дело. Поэтому мне никогда не будет казаться, что я прекрасна. Да я просто отвратительна для себя.

— Похоже, вы самоедка!

— Да, я самоедка.

— Насколько часты эти приступы недовольства собой!

— Я анализирую каждый свой день. Но есть маленькие депрессии, есть большие. Если у меня было небольшое выступление, это маленькая депрессия, это концерт — большая. Когда я получила «Гран-при» в Братиславе — очень большая. Слишком много было концентрации эмоций. Это происходит после удач, я подчеркиваю, а не после неудач. Я вообще не могу сказать, что я неудачливая. Я все время говорю спасибо судьбе и Господу Богу. Я ничего не прошу. Только говорю спасибо. Спасибо, что у меня хватило сил. Спасибо, что со мной это произошло. Спасибо, что я что-то поняла.

И я всегда говорю: я счастлива, что сегодня я знаю и понимаю, что значит фраза «в страданиях человек становится лучше». Я счастлива и благодарна судьбе, которая дала мне это понять.

Мечислав ДМУХОВСКИЙ.

У МЕНЯ ПАРУ РАЗ БЫЛИ ПОРЫВЫ: ЗАБРАТЬ ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА К СЕБЕ ПЯТЕРЫХ-ШЕСТЕРЫХ ДЕТИШЕК. НО ЭТО ОЧЕНЬ ОТВЕТСТВЕННО, И ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО МЕНЯ СДЕРЖИВАЕТ. НО Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА. КАК СЛОЖИТСЯ СУДЬБА, КАК ПОВЕРНЕТСЯ ЖИЗНЬ...

му что я виновата в этом и я не могу ее уничтожить. Был еще момент: она укусила Андрея, и Андрей ее заломал, прижал к земле, а я должна была подать ему поводок, чтобы он собаку придушил, покорил... Кенди на меня так смотрела, что мне казалось, что я предаю ее... Вы не правы, это мое несчастье, что она такая. Но Кенди влюбила меня во все живое. В то, на что раньше я не обращала внимания. Цветы, деревья — это все живое.

— Я слышал, вы часто бываете в собачьих питомниках, приютах — не знаю, как назвать. Привозите еду, даете деньги. Вас могут не понять: огромное количество людей нищенствует, а вы помогаете собакам.

— У меня пару раз были порывы: забрать из детского дома к себе пятерых-шестерых детишек. Но это очень ответственно, и это единственное, что меня сдерживает. Но я не знаю, что будет завтра. Как сложится судьба, как повернется жизнь...

Если я люблю животных, это не значит, что я ненавижу людей. Хотя вы не представляете, что они с собаками делают. У животных нет никаких прав. Вообще никаких! Если бы только вы могли представить, как их мучают, вы бы тоже стали их защитником. Собак должны усыплять, на это выделяются деньги, а они деньги воруют, а собак душат. Я спать не могу, когда слышу, как возле «Росси» начинается отлов. Однажды в Ялте я услышала такой вой, что вскопчила, выбежала из гостиницы... Но я не знала, куда бежать, чтобы помочь. И я подумала: Боже, я не хочу жить в стране, где так обращаются с животными. В такой стране разве могут вырасти нормальные дети! Это очень серьезно — зря вы так повер-

что в их жизни происходит. Я болею за них. Радуюсь. Хочу, чтобы они стали лучше, лучше, лучше... Еще мне очень радостно, когда я вижу молодых, действительно талантливых. Недавно случайно услышала ребят, лет по шестнадцать им, — пришла в восторг.

— Кто это!

— Я не запомнила.

— Но кого-то же вы помните.

— Мне очень нравится Лариса Долина. Она прекрасна. Я очень за нее рада. Это человек, который все заслужил и всего добился сам. С Володей Пресняковым мы вместе работали — конечно же я буду следить, что с ним происходит. Мне очень нравится Меладзе — это феномен, он всех влюбил в себя, когда в моде была совсем другая музыка. Мне нравится, как он ведет себя как человек. Мне нравится Маликов — такой образованный, интеллигентный. Если у него появится что-нибудь такое, гениальное, я буду очень рада. Леонтьев. Никогда не стану слушать что-либо пусть даже немножко плохое о нем.

— Есть три имени, которые невозможно обойти в таком разговоре. Три имени, которые обязательно присутствуют в различных рейтингах: Алла Пугачева, София Ротару, Маша Распутина.

— Во-первых, я не верю никаким рейтингам, они мне неинтересны: 99,9 процента там — всегда неправда. Только история покажет, кто был лучше, кто хуже. Поэтому и мое мнение о людях — оно всегда только мое. Я даже не могу гарантировать, что завтра мое мнение о ком-то не поменяется. Как вообще я могу высказываться о людях, которых я слишком мало знаю? Говорить о